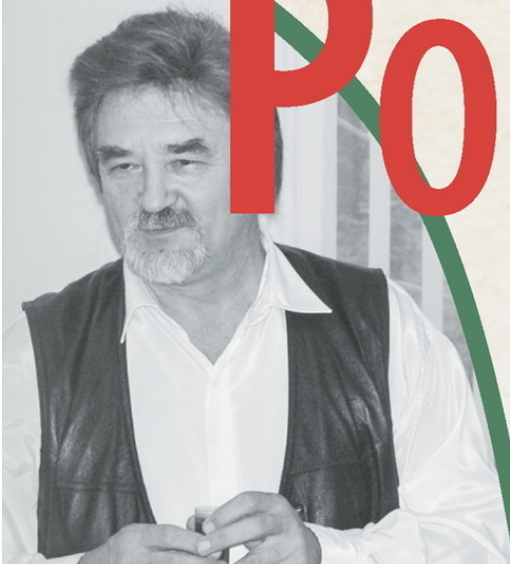

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

2019

ЖУРНАЛ № 5-6

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Альманах «Российский колокол»

Альманах

**Альманах «Российский
колокол» №5-6 2019**

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

Альманах

Альманах «Российский колокол» №5-6 2019 / Альманах —
«Интернациональный Союз Писателей», 2019 — (Альманах
«Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-220-0

Журнал проповедует не только эстетические ценности, но ставит перед собой цели более высокого порядка – духовный уровень читателя, патриотический дух, интеллектуальный уровень. Имена авторов, с которыми читатель встречается на страницах журнала, – это и имена знаменитые, из первых рядов современной литературы, и имена, только набирающие литературный вес. Вот и сегодня мы приготовили для вас разносортный и разножанровый авторский состав, чьи произведения и творчество, мы уверены, в скором времени найдут преданного почитателя. А может, уже нашли?! Так что настройтесь, перелистните страницу, и приятного вам чтения!

УДК 82.161.1(051)

ББК 82(2)6

ISBN 978-5-00153-220-0

© Альманах, 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Слово редактора	6
«Российский колокол» – журнал для читателя с взыскательным вкусом	7
Современная проза	8
Игорь Самойлов	9
Ёрт бы побрал этого Гвидония	9
Современная поэзия	19
Игорь Тюленев	20
Свято-Введенский Толгский женский монастырь	22
Бабушка Анюта	23
Сибирский тракт	25
Луч	26
«Умирало над морем светило...»	27
Школьное фото	28
Зрелость	29
«В пустом лесу трезвонят коростели...»	30
«Жизнь покачнулась на весах...»	31
Крушение	32
Деревня	33
Фотография	34
«В этой деревне уныло...»	35
«Уткнётся лошадь...»	36
«Говори со мной попроще...»	37
Крымская татарка	38
В гостях у Расула Гамзатова	39
Предгрозовые ласточки	40
Одиночество	41
«Задела, как бы невзначай...»	42
Дочке	43
Драматургия	44
Евгений Чебалин	45
Бедная, бедная РУССА	45
АКТ 1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Журнал Российский колокол. Выпуск № 5–6

Москва, 2019

При перепечатке ссылка на журнал ««Российский колокол» «№ 5–6 2019»» – обязательна. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Учредители

Московская городская организация Союза писателей России, Фонд «Литературный фонд Петра Проскурина»

Адрес редакции

107023, г. Москва, ул. Никитская Большая, 50а, стр. 1

Электронная почта

pressa@inwriter.ru

Электронная версия

ros-kolokol.ru

Слово редактора

Анастасия Лямина

Член Интернационального Союза писателей, журналист, публицист.

«Российский колокол» – журнал для читателя с взыскательным вкусом

Высококачественная художественная литература, публицистика, интервью с известными современными писателями, рецензии и критические обзоры, автобиографические и творческие портреты литераторов, как всемирно знаменитых, так и незаслуженно забытых, важные архивные материалы, яркие статьи по психологии, филологии, литературе – такие жанры и темы мы освещаем из номера в номер в ведущем литературном издании «Российский колокол».

Журнал проповедует не только эстетические ценности, но ставит перед собой цели более высокого порядка – духовный уровень читателя, патриотический дух, интеллектуальный уровень.

Имена авторов, с которыми читатель встречается на страницах журнала, – это и имена знаменитые, из первых рядов современной литературы, и имена, только набирающие литературный вес. Вот и сегодня мы приготовили для вас разносортный и разножанровый авторский состав, чьи произведения и творчество, мы уверены, в скором времени найдут преданного почитателя. А может, уже нашли?!

Так что настройтесь, перелистните страницу, и приятного вам чтения!

Современная проза

Современная проза

Российский
КОЛОКОЛ

Игорь Самойлов

Философ. Писатель. Музыкант.

Образование: Тюменский университет, кафедра теоретической физики.

Сфера научных интересов: онтология квантовой механики. Первый сборник рассказов вышел в 2008 году в издательстве «Русская Неделя».

Лауреат премии «Книга года» за роман «Камень Судьбы» (2014).

Лауреат премии «Радио Радонеж» (2007).

Гран-при I Международного Пушкинского фестиваля (2019).

Ёрт бы побрал этого Гвидония Отрывок из романа

1

– Давненько я тут не появлялся, – прокряхтел Кощей, выбираясь из ступы. – Разрослась Ярманка-то, ты смотри.

– А то, – поддакнула Ягиня. – Идёт жисть.

– А ты чего? – спросил Кощей, глядя, что та не собирается вылезать из ступы.

– А я, Кощеюшка, до Лысой горы хочу скататься. Посудачить с подружайками за жизнь, за дела наши девичьи. Глядишь, чего и разужнаю.

– Нормальная мысль, Ягиня, про девичьи-то дела, – похвалил подругу Кощей («Чой-то я сам и не додумался», – криво ухмыльнулся он в сторону) и похлопал по ступе на прощание. – Давай... К вечеру-то возвернёшься?

– Возвернусь, Кощеюшка, постараюсь.

На том и сошлись.

Ступа доставила Ягиню с Кошеем к месту весьма замечательному и знаменательному во всех отношениях. Таковым местом являлась всем и каждому на Стразе известная Ярманка-у-Бабы.

Когда-то давно, во времена царя Гороха, наверное, учредилась сия ярманка как место для встреч и разнообразного общения древних обитателей Стразы. Ну, само собой, торговлишка какая-никакая завелась. Ряды выстроились. За ними сервис подтянулся. Так оно и повелось с тех пор. И ежели кому чего срочно (или не срочно) надобно, то – пожалуйте на ярманку. Найдётся всё! Это, кстати, отсель лозунг. А кое-кто слёр его и присвоил. Несправедливость, однако.

Но Кощей про это не думал. Мысли его были заняты нарисовавшейся проблемой в виде фавна, и именно по этому поводу решил он появиться здесь. А ведь зарекался когда-то. Да, жисть такая штука. И не хочешь, да споёшь.

Искал Кощей одно заведение и старого приятеля при нём. Но ярманка так разрослась («И откуда чего берётся? Древних-то всё меньше и меньше», – удивлялся он), что Кощей нашёл искомое не сразу. А когда нашёл, то впал чуть ли не в ступор на пару минут.

Трапезная, которую он помнил по прошлым временам, преобразилась. Теперь она щеголяла новым ярким фасадом с броской вывеской, летней верандой и даже недавно пристроенной гостиничкой.

Кощей озадаченно почесал в затылке, но решил от намеченного плана не отступать. Махнул рукой и вошёл в помещение.

Внутри всё было более-менее по-старому.

«Ну хоть здесь не испоганили», – успокоил себя Кощей. Он пошёл уверенным шагом к импровизированной барной стойке и наконец-то увидел того, кого искал, – Алевтина Григорьевича, старого приятеля.

Алевтин Григорьевич был годовик. Встречались эти древние нечасто. Так что с полным правом можно было отнести данного представителя к уникальным персонажам. Что он, впрочем, всем своим видом подтверждал.

Вид у него был важный, но не вызывающий. Руки, ноги, голова. Всё на месте, всё при деле. За прошедшее время слегка располнел, что ему шло. И только старая жилетка оставалась той же.

– Какие гости, мама дорогая! Ваше бессмерчество! – Алевтин Григорьевич был в своём репертуаре.

Знаменит он был, помимо прочего, тем, что никогда не забывал своих посетителей. Чем-чем, а памятью его Грядущий не обидел. Откуда у него такое имя, Кощей когда-то знал, да забыл, но по-приятельственному звал его просто Григорьичем.

– И тебе, Григорьич, не хворать.

– И не говори, ваше бессмерчество! Не хворать бы – так оно тогда и жить можно, а? Какими судьбами?

– Да вот что-то засиделся у себя. Дай, думаю, на мир погляжу, старого приятеля проведаю. А у тебя вон теперь как! – махнул рукой Кощей поверх головы.

– Ага, – радостно подтвердил Алевтин Григорьевич.

– И на чём только, мил друг, прибыля делаешь? Процветаешь, смотрю.

– Не поверишь, ваше бессмерчество, – годовик зачем-то понизил голос почти до шёпота, – туристический бум у нас. С Хрустальных берегов, почитай, каждый день кто-то да

появится. Нашлись тут и там пара дельцов, решили раскрутить Стразу. Типа фольклор, заповедник, раритеты-ш-маритеты. И, знаешь, попёр товарищ заграничный. Экзотика, блин. Как на динозавров посмотреть.

– А-а-а, – понимающе протянул Кошей. – Неплохо, неплохо. И ты тут – раз! – и подсутился?

– Ну а как, ваше бессмерчество? Хочешь жить, как говорится, умеи втереться...

– С этим у тебя всегда, – усмехнулся Кошей.

При этих словах отворилась дверь и зашла пара персон. Издаля ясно было, что не из местных. Алевтин Григорьевич махнул кому-то рукой, и обслуживанием товарищей занялись два выскочивших домовых.

– Слушай, мне бы с тобой чайку попить да покатать, как раньше, – бросив взгляд на пришедших, сказал Кошей. – Осталось у тебя укромное место?

– Обижаешь, ваше бессмерчество. Милости просим. Устроим в лучшем виде.

За кухней у Григорьича обнаружилась прекрасная чайная комната, отделанная с душой и вкусом. Кошей оценил и одобрительно причмокнул: лепота, однако!

– Растёшь, Алевтин Григорьевич, растёшь, – похвалил приятеля его бессмерчество. – Самому Наместнику не зазорно здесь почаёвничать.

– Да заходит, ваше бессмерчество, – отозвался тот, – не забывает. Тоже ведь хоть и полукровка, а понимание имеет.

– Да-а-а, – нейтрально хмыкнул Кошей.

Наместник, он же Кир Наместник, был личностью своеобразной и, как ни крути, незаурядной. Слухи ходили, что он был рождён нимфой от связи с человеком. Правда, была и другая теория: что в его родословной отметились сами эльфы. Кир об этом помалкивал, но молва-то вещь неудержимая. А иначе как это он стал Наместником Высших Сидхе на Стразе?

– Шас, правда, отбыл в Чертоги. Вроде как сам Наблюдатель вызвал. Знаешь же, наверное, что лешего порешили?

– Угу.

– Да, дела-а-а, – покачал головой годовик. – Напрягся народец. Уж и забыли про такое.

– И что, есть версии?

– Да версии-то есть, ваше бессмерчество. Как без версий! Но толку-то от них?

– Ну как, – покрутил головой Кошей, – народ же говорит чегой-то?

– А, народ, – махнул пренебрежительно Алевтин Григорьевич, – ему бы только пить да гулять, да, как говорится, горя не знать. Лепят всякую чушь. Вон уже додумались до того, что людей обвинили. Мол, нашёлся кто-то, разрыл лазейку сюда. Представляешь, до чего докатились?

– Это уж совсем дичь, – согласился тот. – Им же сюда путь заказан. Наместник зря, что ли, свой хлеб ест?

– Вот и я говорю.

– А вообще, – решился Кошей на более прямые вопросы, – было что-то подозрительное ещё? Окромя лешего?

– Знаешь, – доверительным голосом сказал Алевтин Григорьевич, – было.

Тут он на время замолчал, словно собирался с мыслями, потом всё-таки решился:

– Слух прошёл, что орфелик О’Брайан объявился опять.

– О как!

– Во-во, и я о том же. Не к добру это. Все же думали, помер он. Наконец-то. А он вона, нарисовался. Жив, целёхонек.

– Сам видел? – уточнил Кошей.

– Не-а, – помотал головой годовик, – я же здесь как привязанный. Бизнес, растудить, не оставишь. Но сведения верные. Заметили его недавно у Серых гор. А уж коли он из своей берлоги наружу вылез, так неспроста это. Помидорами чую.

– Где орфелик, там и гномы, – задумчиво сказал Кощей. – Были недавно?

– К этому и веду, – подтвердил предположение приятеля Алевтин Григорьевич. – Были.

– Ага, – вроде как с удовлетворением сказал Кощей. – И?

– Да ничего. Купили кой-чего и сгинули.

– А что купили, знаешь?

– Ну как не знать, знаю. Ярманка-то у нас – сплошные глаза и уши. Да только ума не приложу, зачем им ведьмин камень? Весь, почитай, скупили. А он ведь только раз в девяносто лет появляется.

– Ведьмин камень, говоришь? – призадумался над новостью его бессмерчество. – Интересно, интересно...

– Раньше-то, говорят, ведьмин камень против драконов пользовали, а теперь-то какие на Стразе драконы?

– Да уж, – неопределённо поддакнул Кощей.

– Вот такие дела, ваше бессмерчество, – заключил Алевтин Григорьевич. – Что-то движется, а куда – непонятно.

Может, Наместник, когда вернётся, что скажет. А то ить народец-то у нас дурной. И так, вишь, слухи стелются какие.

– Вижу, – понимающе покрутил вросшей в голову короной его бессмерчество, – вижу, Григорьич. И ведь не разубедишь их.

– Куда там! – снова махнул тот рукой. – Как бы чего похуже не придумали...

«И то правда, – думал Кощей про себя, выходя из гостеприимного кабинета Алевтина Григорьевича. – Придумать чего похуже – это мы запросто».

До возвращения Ягини время ещё было, и его, это оставшееся время, его бессмерчество хотел провести с пользой. Ярманка – самое место для этого.

2

Ягиня возвратилась к вечеру, как и обещала. Ярманка по-тихому сворачивала торговлю, чтобы завтра начать её заново. Кощей, глядя на то, как ловко Ягиня пришвартовалась к столбу, не удержался и похвалил:

– Вижу, не теряешь сноровки, а?

– Дак ить жисть-то такая, Кощеюшка... не даст расслабиться, – отозвалась Ягиня.

– Это да, – кивнул Кощей, забираясь в ступу.

Изба Ягини встретила их теплом и котиком.

– Хорошо! – покрутил головой его бессмерчество, заходя в избу. – Отдохнём, перекусим, да и покумекаем, как и чего.

– Насчёт перекусим, Кощеюшка, это вряд ли, – протяжно икнув, отозвалась спутница, – перекус наш на Болтуне щемится. А у нас токо каша из топора.

– Ну и это сойдёт! – махнул рукой Кощей. – При таких-то делах скоро не до перекусу будет.

– И то правда, – не стала спорить Ягиня.

После каши, попивая чуть горьковатую чагу с диким мёдом, Кощей с Ягиней приступили к обсуждению дел.

– Слышь, Ягиня, Алевтин-то Григорьевич наш, – не удержался Кощей, – в гору круто пошёл. Бизьнес наладил – туристов обслуживает. Сам Наместник у него гость частый.

– Ну дык ить он всегда, – понимающе оценила Ягиня новость. – Такие-то вот нигде не пропадут. Да-а-а. А вот мы-то с тобой, Кощеюшка, – хмыкнула многозначительно она, – не мню...

– Давай выкладывай, чего разузнала, не тяни.

– Да бабоньки мне кой-чего нашушукали, – начала свой рассказ Ягиня. – Наместник-то, говорят, надясь как убрался на Берега, так и нетути. А ендова сам знаешь, какие дела-то. Напужались немного все, попритихли. Ждут евоного возвращения. Сам Наблюдатель, шепчуть, сюда собирается.

– Да ну!.. – отозвался Кощей.

– Ну не ну, а бабоньки врать не будут.

– Ага, откеля токо знают-то всё? – с сомнением пробурчал тот.

– А ты, Кощеюшка, не ершись, – с достоинством пресекла все попытки сексизма Ягиня. – Не токо Алевтин воздух нюхает, есть и другие.

– Да уж, – крякнул примирительно Кощей. Но не сдержался и в сторону тихонько бросил:

– Кто бы сомневался.

– Мяу, – понимающе ответили ему в стороне.

Кощей погладил приласкавшегося кстати котика между ушами и продолжил расспросы:

– И чего ишо бабоньки говорят?

– А ишо говорят, что не к добру это.

– А-а-а, – язвительно протянул Кощей, – уж конешно.

– Говорят, что Наместник вроде сказал кому-то, что рядом с лешим следы копыт обследовали. И теперича нужон здесь Сидхе. Ну чтоб повинника в ентом деле найти. Им-то это как...

– Стало быть, времени у нас нету, – не дослушав, начал размышлять его бессмерчество. – Вскорости поймут, что пижон этот наш замешан, и будут его искать, не иначе. А тут и мы... в пособниках. Что, старая, надо было сразу, как ты и говорила, к Наместнику идти?

– А вот не знаю, Кощеюшка! – неожиданно не поддержала Ягиня. – Не ведаю. Но мню, что окромя лешего тута много и другого чего примешалось. Леший – он только для затравы. А дальше... слух прошёл, что все русалки куда-то пропали. Ни одной не осталось в Бирюзовой-то заводи. Были, да сплыли.

– Это, – почесал Кощей затылок, – и вправду не к добру. На ярманке такого не сказывали.

– Ну да и это-то полбеда ишо, – вздохнула Ягиня. – Похуже новостя есть: Драконья Звезда появилась в небе.

– Да ну! – У Кощея отпала нижняя челюсть. – Не верю!

– Хошь верь, хошь не верь, – печально сказала Ягиня, – а токо факт это.

– Откуда знаешь?

– Норей Звездочётец видел. От него и знаю. А через шесть дней, – коли не забыл, – Противостояние. Белобог с Чернобогом боротися будут опять.

– Дак эти-то кажный год борются, – заметил Кощей.

– Так, Кощеюшка, – кивнула та, – да токо в ентом-то году, кажись, ещё и Гномий Полу-день на Противостояние падает.

– Слишком много совпадений, хочешь сказать? – начал просекать его бессмерчество. – Про это бабоньки тебе уши смазали?

– Сам суди, – покрутила головой Ягиня, – почитай пятьсот лет уж почти Драконьей Звезды в небе не было. А тута – на вот...

– Да-а-а, – озадаченно протянул Кощей, – дела-а-а.

– И это, милай мой, токо то, что мы знаем. А скоко не знаем? Вот и разумею, что не просто так Наместник к Сидхе смылился. И перекус наш, пижон копытный, тоже не просто так на наши головы.

Парочка на время замолчала, словно переваривала новости. Чай остыл. В избе заметно похолодало. Кощей молча поднялся и стал растапливать печь. Мыслительный процесс у него включился на полную катушку.

Новость о появлении Драконьей Звезды взволновала его не на шутку. Такое и впрямь редкость. И ничего хорошего это появление не сулило. Последний раз такая напасть случилась хоть и давно, да никто не забыл, чем всё закончилось.

– Ты четой печь-то топишь? – удивлённо прервала молчание Ягиня. – Ждём кого?

– Да не, – машинально отмахнулся Кощей, – вона котик мёрзнет.

Котик недоуменно посмотрел на Ягиню. Она на него. Потом оба – на Кошея.

Тот бросил возиться с печью и сел обратно. Посидел. Потом сказал:

– Алевтин сказал, орфелик О’Брайан объявился.

– О как!

– Вот и я то же самое выродил. Вот теперь и думай про совпадения.

– А Наместнику дел теперича прибавится, слова нету, – заметила Ягиня задумчиво. – А то вона и подруженьки-то шепчуть, что засиделся он. Забронзовел. Всё тишь да гладь да божья благодать. Сидхе сюда особо не совались. Как уж он их задабривал, нам неведомо. Тока всё сам привык разруливать. Но, видать, пруха-то кончилась.

– Да уж, – глубокомысленно изрёк Кощей из бездны своих думок, – пруха – она такая. То прёт и прёт, и конца не видно, а то раз – и отрезало.

– Как бы нас вместе с ней не отрезало, – икнула боевая подруга. – Орфелику мы не товарищи. Он и в прошлый раз чуть всех не ухайдакал. Ладно, всё обошлось, да и мы подсуетились тогда, а могло ить и по-кривому выйти.

– Могло, – не стал спорить Кощей. – Но тогда хотя бы Горыныч-то наш, Змей трёхглавый, с нами заодно действовал. Вась-вась мы с ним тогда были. А шас-то, вишь, другой пейзаж.

– Угу, – потупилась подруга. – И чего тебе тот чародей тогда посулил, что ты ради ево с Горынычем раздружили?

Кощей озадаченно посопел, вроде как несогласный, но ничего не сказал.

– Слышь, Кощеюшка, – предложила Ягиня, – можа, смотаешься всё ж до него, а? Типа по старой памяти. То да сё, погугоришь по-свойски.

– Нет, подруга, – вздохнул натужно тот, – и рад бы, да мне к нему дорога заказана. Говорил же.

– Ну тоды, милай мой, надоть мараковать по-взрослому, – рассудительно заключила Ягиня, – а то и вправду – не ровён час. А Наместнику я не доверяю – чёт он много с Сидхе путаться начал. А тем до нас... сам ведаешь. Вот и мню я, Кощеюшка, что вскопнуть ба поглубше, чегой-то здесь намечается, а?

– На кикимора намекаешь? – насторожился Кощей.

– Да мню, не худо бы до Поганных болот смотаться. Давненько мы с ним не виделись.

– И ещё б столько не видеться, – вздохнул тот.

– А энто ты, Кощеюшка, лишку хватил, – не согласилась Ягиня. – Он хоть и вредный, но нам не вражина. Не то что орфелик, не к ночи помянутый. Да и на Наместника у него зуб не просто так. Кикимор-то поболее нашего здесь живёт. Да и помнит кой-чего.

– Диссидент он, – решительно и сурово выдал своё определение Кощей. – Несогласный вечно.

– Ох, – замахала руками та, – кака говоря-то у тебя пошла! Где тока набралси?

– Да ить, – почесал под костлявыми рёбрами его бессмерчество, – дурное слово – как банный лист. Не заметишь – а оно уже на языке, как на заднице, висит.

– Ты, Кощеюшка, за говорей-то следи! – строго попеняла подруга Кошею. – Сам знаешь, времена-то у нас какие...

– Да знаю, – махнул рукой тот. – А какие ишо будут?

– Того не ведаю, – отрезала Ягиня, – а тока щас-то неча варежку разевать. Шовелиться надоть.

Кощей на это ничего не ответил, а только что-то сосредоточенно мараковал внутри себя. Картина вырисовывалась хаотичная, недостающих кусочков было – тьма-тьмушая, а делать что-то надо было. Тут Ягиня в точку сказала.

– Гномы подчистую скупили весь ведьмин камень, – сказал он задумчиво, – вот и смекай, что и как. А ещё на ярманке слушок ходит, что Кир Наместник от гномов дары принял. Богатые. Что вроде с орфеликом они опять вместе.

– Бойтеся гномов, дары приносящих, – отозвалась Ягиня. – Так, што ль, раньше говаривали? Вляпаемси мы с емя опять, чую.

– Угу, – нехотя подтвердил Кощей.

– А ты к кикимору идти не хочешь, – продолжила гнуть своё старая, – и к Горынычу тебе путь заказан.

– Да не дави хоть ты на больное, – грустно сказал тот. – Алевтин-то ещё знашь што сказал? Слух идёт, что люди на Стразе появляться начали.

– Да как это? – сразу не нашлась чего ответить Ягиня. – А Наместник?

– А вот и думай тогда, что Наместник, – буркнул Кощей. Ягиня открыла рот, потом прикрыла его рукой, показала пальцем вверх и покачала понимающе головой.

3

– Такие дела, подруга, – вздохнул Кощей, прервав затянувшееся молчание. – Такие дела.

– От Алевтина слух-то, поди? – поинтересовалась Ягиня.

– От него, – кивнул Кощей.

Та пожевала губами, раздумывая:

– Доверяешь ему?

– Нет, конечно, – отрубил Кощей. – Но всё может быть. Не удивлюсь.

– А я вот, Кощеюшка, удивлюсь! – не согласилась та. – Оно и вправду всё может быть, но токо окромя этого.

– Что, думаешь, у Наместника свои планы?

– Это уж точно, – серьёзно подтвердила Ягиня догадку Кощея, – даже не сумлевайся.

– Дела-а-а, – опять протянул Кощей.

– А к кикимору всё ж таки надоть наведаться.

– Да я рази против! – согласно махнул рукой его бессмерчество. – Лишь ба толк был. А то от них, от диссидентов, одни слюни...

– Как сказать, Кощеюшка, – несогласно покачала головой Ягиня, – как сказать.

Кощей на это несогласие ничего не сказал, только погладил ласкающегося котика. Потом махом допил оставшийся в кружке чай и предложил:

– Давай-ка лучше посмотрим, где там наш закусон сердешный. Добрался ли?

– И то! – согласилась Ягиня, доставая золотое блюдечко с голубой каёмочкой.

– Где же яблочко-то у меня? – остановилась она в раздумьях.

– Так вон же оно, – подсказал Кощей, показывая в угол, – котик играл.

Яблочко было поднято, обдудо, обтёрто и положено на блюдечко. Ягиня, хитро улыбнувшись Кощею, лихо дунула на него, и завертелось, закрутилось яблочко, покатилося по блюдечку. Постепенно ускоряясь, яблочко словно расчистило внутренность блюда, и показалась картинка. Как есть живая. А в ней поле.

С высоты птичьего полёта Ягиня с Кошеем увидели связанных Болтуна и Солипатроса, а рядом с ними крепкого бородача.

– Вот иди ж ты на косую! – выругался Кощей. – Какая нелёгкая их к Соловью-разбойнику занесла, а?!

– Знаю я эту нелёгкую, – задумчиво промолвила Ягиня. – Точнее – этого.

– На Болтуна намекаешь? – встревожился пуше прежнего Кощей.

– А на кого ишшо-то! – резонно ответила та.

– Дак это, – не унимался в эмоциях тот, – это ж какого кругалю дать надо, чтоб туда попасть!

– Ну, для бешеной собаки семь вёрст не крюк, сам знашь, – сказала Ягиня. – А этому – и все десять.

– Да уж, – невесело вздохнул Кощей, – от Соловья им просто так не уйти. Что, видать, придётся на выручку лететь?

– Не к спеху, Кощеюшка, – ответствовала подруга. – Пусть помаринуются там. Можя, поумнее станут. А мы по-кудась до кикимора слётаем. Поважнее дело будет.

– Ну как скажешь, – сказал тот, вставая. – Только это ж на Хрустальных берегах, чтоб им пусто было. Путь-то неблизкий. Да и таможня опять же.

– Ну а што, Кощеюшка, – на ходу поддержала тему Ягиня, – оне, дисс... гм... несогласные-то, завсегда подале от родимой земельки.

– Ага, – криво ухмыльнулся тот, – издаля же всё лучше видно.

– Знамо дело, – серьёзно сказала Ягиня. – А ты, Кощеюшка, быдта зуб на него имеешь? Энто ты зря.

– Да вредный он, – махнул рукой его бессмерчество, – говорил же. И непонятный. То с Наместником вась-вась, шуры-муры. А то вдруг ни с того ни с сего несогласный он. Весь прям из себя.

– Ни с того ни с сего даже дождик не бывает, – мотнула головой подруга, – а уж в таком-то деле...

Кощей тему продолжать не стал. Крякнул и пошёл на двор. За ним и Ягиня.

Путь действительно был не такой уж и близкий, но и не далёкий. К тому же они решили взять с собой ступу, так что транспортировка на Хрустальных берегах обещала быть быстрой. Правда, сумма, которую пришлось отдать за допбагаж, превышала все мыслимые приличия. Но тут уж против ветра не попрёшь. У Высших Сидхе всё схвачено.

– Что, Кощеюшка, – ласково спросила Ягиня, понимающе глядя на него, – золотишка жалко?

– Как тебе сказать, – буркнул нехотя Кощей, – чтоб не обидеть...

Место, где обрёл пристанище кикимор, называли Погаными болотами только на Стразе. Откуда взялось такое красноречивое название, народ давно позабыл, а только приклеилось – и всё. На деле же это было весьма приличное, даже фешенебельное место. Вообще-то здесь начинался Гобленд. А Гобленд, кто не знает, место насиженное. Для банковского дела здесь мощная пруха. Да и не только.

Вот и природа не подкачала. Озёра в обрамлении живописных гор. Дубы-колдуны. И луга с травой.

Собственно, в траве-то весь цимус и заключался. Кикимор, даром что со Стразы, имел недюжинный бизнесовый талант. Злые языки поговаривали, что без особого хитрого волшебства тут не обошлось, но никто ничего запретного не нашёл.

А только наладил кикимор производство отличнейшей трын-травы. Надрессировал зелёных зайцев на добычу – и пошла маза. А трын-трава стала твёрдой валютой, востребованной по всем Хрустальным берегам. Наилучшее средство от стресса. А стресс, кто не знает, – бич современного общества. Да.

– Красота-то какая! Ле-по-та! – поцокал языком Кощей, вылезая из ступы.

Путь оказался на удивление скорым. На таможне всё прошло гладко, и вот уже ухоженные просторы Поганных болот расстелились перед ними.

– Знает кикимор, душа грешная, где деньки шить-коро-тать да добра наживать, – поддакнула Ягиня. – Всё ж не в нашенской грязи бултыхаться.

Светило яркое солнышко. Дубы-колдуны колыхались неспешно под лёгким ветерком. Глубокие чистые озёра манили галечными пляжами.

Терем кикимора впечатлял размерами, убранством и модерновой архитектурой. Ворота были закрыты, но в сторонке спутники узрели маленькую открытую калиточку и не раздумывая пошагали на поиски хозяина.

Хозяин обнаружился вальяжно сидящим в шезлонге под раскидистой цветущей акацией. В руке у кикимора был высокий бокал с лонгдринком, который он с оттягом дул через золотистую соломинку.

Вообще имя кикимора – Линь. Но вот с недавних пор (после начала его известного диссидентства) скорые и острые на язык доброжелатели приклеили ему прозвище – Линь Курбский. Видать, с каким-то смыслом.

«Вот ведь придумают же, – усмехнулся про себя Кощей. – И откуда только берётся! Творчество масс, понимаешь».

– Неплохо устроился, дружок, – Ягиня вежливо поприветствовала Линя. – Не виделась сто лет.

– Да не, – мотнул тот головой, – меньше. Какими судьбами?

Тон у кикимора был суховат. Кощей он лишь слегка кивнул, и на том все церемонии, видать, посчитал выполненными.

– Проведать тебя захотелось, – не моргнув глазом, сказала Ягиня. – Заодно и поболтать о том о сём.

– Угу, – глубокомысленно хмыкнул кикимор, – как же!

– Што-то, ты, друг милый, недоверчивой какой-то стал, – покачала головой Ягиня. – Давеча-то бывал вот...

– Дак это давеча, – не моргнув глазом кикимор, – а теперича... это вам не то, что давеча. Вот такие дела.

– Ладно тебе щёки дуть, – не выдержал Кощей, – мы ж к тебе не просто так.

– Ага, – насмешливо протянул Линь, – я так и понял.

– Хамишь, – мрачно констатировал его бессмерчество, – парниша.

Ягиня, учуяв, что дело идёт к ссоре, решила встрять, пока не поздно.

– Терем-то себе отгрохал – о-го-го! – повернулась она к «отгроханной» избе. – А чего не пригласишь, не покажешь хоромы?

Кикимор озадаченно посмотрел на Ягиню, словно соображая, как бы её получше отшить. Но потом что-то поменялось в его взгляде и он, вальяжно потянувшись, ответил:

– Да милости просим! Что, жалко, что ль!

В хоромах было весьма прохладно, разноцветно и даже витиевато местами.

– Вот ведь кака золотины выстроена! – повосторгалась Ягиня. – Богато, нет слов.

Линь щёлкнул пальцами – и возник немолодой уже полевик в нарядной ливрее.

– Чаю гостям. Фирменного.

Тот поклонился и исчез. Через несколько минут на подносе был принесён чай. Фирменный. Из свежесобранной трин-травы.

– Давно хотел спросить, – сказал Кощей, беря чашку (он явно желал заглядить первые непонятки), – а почему у тебя траву зайцы косят? Почему именно они?

– У них нюх на неё, – тоже миролюбиво ответил кикимор. – Тут, знаешь, тоже нюансов хватает. Не всякую траву и не всегда брать можно. А они знают. В этом и секрет.

– А-а-а, – дипломатично хмыкнул тот, – понятно.

– А мы, Линюшка, вот по каковскому делу, – приступила Ягиня, решив, видать, что момент непрочного мира надо ловить, пока не сдулся. – Странные дела у нас творятся. Слышал, поди?

– Ну, кое-что, – уклончиво ответил кикимор.

– Порешили лешего у нас. Помнишь его? Слухи разные по Стразе пошли. Даж про людей начали поговаривать. Но мы-то знаем, что это не они. А засланец один. Отседова. С вашей стороны. Мы это точно знаем. Так что ниточка-то отсюда тянется. А у кого нам ишо проведать, что на Берегах-то творится, как не у тебя, а? Ты вона как тут устроился. Про нас и знать не хошь. Но мы, вишь, сами тут как тут. Думали действовать начать ужо, да решили погодить. Чой-то кажется нам, что надо бы тут разобраться с вопросом. Как мнишь?

– Ягиня-то хотела сразу Наместнику стукнуть, – вставил свои пять копеек Кощей, – да я удержал. Сдаётся нам, что Наместник здесь стратегию мыслит свою. Вот только какую?

– А ты ево, Наместника-то, лучше многих знашь, – подытожила Ягиня. – У нас слух ходит, что он с Сидхе васькается. Что, мол, всю Стразу уже на подарки извёл. Всё хорошим для них стать хочет. А тут вона какая смута намечается. Сам Горыныч не ровён час проявится. Не накрылося бы всё наше болото шифером при таких делах-то.

– А вам-то чего? – невозмутимо спросил Линь.

– Это как это? – не понял Кощей.

Ягиня тоже вскинула брови дугой.

– Ну чего вам-то от этой смуты? – так же невозмутимо продолжил тот. – Ну будет смута или не будет, вы при любом раскладе переживёте. За что печётесь?

– Дак за Стразу, Линюшка, обидно, – начала объяснять Ягиня. – Мы как-никак патриоты.

Лицо у кикимора при этих словах сделалось такое, словно он проглотил лимон. Да не один, а пару кило.

– А-а-а, – выдавил он с показной искрой глубокого понимания проблемы, – ну тогда слушайте.

Современная поэзия

Современная поэзия

Российский
колокол

Игорь Тюленев

Родился в 1953 г. на Урале в сплавно́м посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991). Автор 19 сборников стихов и более трёх сотен публикаций во всеоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах.

Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского. Лауреат премии им. Фатиха Карима в номинации «Русская литература» (Республика Башкортостан). Лауреат премии Союза писателей России «Традиция». Дважды лауреат премии журнала «НАШ СОВРЕМЕННИК».

Стихи поэта печатались в Санкт-Петербурге и Омске, Калуге и Воронеже, Екатеринбурге и Самаре, в антологиях и альманахах Казахстана, Украины и Армении, в региональных журналах Карелии, Алтая, Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Ставропольского края, Якутии. Публиковались Международной организацией поэтов в журнале LE JOURNAL DES POETES в Бельгии и Франции в издательстве MARCHEL, в Польше, Болгарии и Канаде. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, румынский, сербский, болгарский языки.

За книгу стихов «И только Слово выше Света» поэт Игорь Тюленев стал лауреатом премии «ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА» и лауреатом Международной премии им. Сергея Михалкова «Лучшая книга 2012 года».

За книгу стихов «В берегах славянства» удостоен награды «Серебряный Витязь – 2017» на VIII Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» в Иркутске.

Лауреат Всероссийской литературной премии Николая Лескова «Очарованный странник» за книгу стихов «Тюленевград» (2018).

Лауреат литературной православной премии им. Св. Макария, митрополита Алтайского, за книгу стихов «Уральское крещение» (2018).

Награждён Министерством культуры Российской Федерации памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского».

Постоянный участник Московских и Санкт-Петербургских международных книжных ярмарок; XXV Парижского книжного салона во Франции; XIII Международной книжной ярмарки в Пекине.

Секретарь Союза писателей России.

Свято-Введенский Толгский женский монастырь

Лежала Волга рыбой в стороне,
Рассвет как сокол на неё спустился.
О, Приснодева! Я в монастыре
Пред ликом золотым Твоим молился.

Какой я грешник? Знаю, знаю сам.
Мне дальше паперти не стоило соваться.
Но за спиною братья по стихам,
Которые и плачут и постятся.

Монахини поют, как стайка птиц,
У каждой из певиц по Божьей ноте.
Вдруг падаю, как перед плахой, ниц,
Услышав глас: «Без Бога вы живёте!»

Как воины стоят свеча к свече,
Их огненные шлемы полыхают.
И тени на церковном кирпиче
Коня Георгиева под уздцы хватают.

Не на меня занесено копье
Святое – на поверженного Гада.
Я русский – значит, это всё моё:
И монастырь, и каждый кедр из сада,

И звонница, и Волжские врата,
И сорок шесть монахов, убиенных
Литовцами, ять в книгах и фита,
И даже галки на мирских антеннах.

Здесь исцелился Грозный Иоанн,
От язвы моровой спасались земли...
И я лечился от словесных ран,
За города молился и деревни.

О, Пресвятая, Отчину спаси
На тихой пристани народного терпенья!
Во чрево – Христа вместившая, прости
Поэту очарованному – пенью.

Бабушка Анюта

В невесёлую минуту
Вспомнил бабушку Анюту.
К ней от мачехи сбегал
Кости греть на русской печке,
Искупавшись в зимней речке,
Как французский генерал.

Ночь, в ночи две сигаретки,
Две блестящие монетки,
Два зелёных уголька...
Сердце выпало из глотки,
Тут заметил выше тропки
Три стеклянных огонька.

Да, тогда водились волки
В хвойно-каменной сторонке,
Помнишь, Батюшка Урал?
Взвоят – стынет кровь по жилам,
Если был бы я служивым,
Я б с собой мортиру брал.

Отодвинув прочь заслонку
За родимую сторонку,
Погружала в печь ухват
Бабушка в крестьянском платье,
Плыл обратно на ухвате
Чугунок, одетый в пар.

Хоть крупинка за крупинкой
В супе бегала с дубинкой —
Ешь от пуза, как мужик...
Алюминиевая ложка
Над столом висит как брошка,
Отражая этот миг.

На сундук швырнув рогожку,
Скинув с зябких плеч одёжку,
Забираюсь под тулуп.
В сне глубоком вижу царство,
Где нет злобы и коварства,
Где друг дружке каждый люб,

Где по небу ходят кони,
Нет волков и нет погони.
А в светёлке дева-мать

Шепчет листопада тише:
– Подойди, сынок, поближе,
Лобик твой поцеловать...

Тут я, дурачок, проснулся
Или луч ресниц коснулся,
А по ним слеза бежит.
Жизнь моя стоит в тумане,
Как похлёбка бабы Ани.
Нужно как-то дальше жить.

Сибирский тракт

Тракт Сибирский пронизан лучами
И гудит золотою стеной!
Бог-свидетель прильнул небесами
К тайным знакам тропы вековой!

Казачи, конокрады, цыгане
Пролетели по тракту в дыму!
Растворившись лесными царьками,
Принимая суму и тюрьму!

Где железом гремел Достоевский
Или Чехов пылил колесом,
Там проехал колхозник советский,
Раскатав эти дали катком.

За Урал завалилась Россия,
Как сапог за гранитный сундук.
Вот где русская воля и сила
И до моря Держава вокруг!

Луч

С Камы-матушки широкой,
С Камы-матушки глубокой,
Между лодок и плотов
На колёсном пароходе
(Что-то динозавра вроде...),
Позабыв родимый кров,

Приплывём в Москву-столицу,
Поцелуем голубицу,
Что летает выше туч.
Над её семью холмами,
Над кремлёвскими орлами
Прнося Господний луч.

Этот луч насытит перья,
Как стрелу насытит зелье.
А стрела насытит цель.
Слово не острей кинжала!
Но из раны побежала
Кама в общую купель.

«Умирало над морем светило...»

Умирало над морем светило,
Обручившись с поверхностью вод,
Светозарная Божия сила
Гасла в небе, как русский народ.

Я стоял на скале под сосною,
Что корнями эпоху скребла.
За моею спиною, за мною,
Погибала без боя страна.

Я рукою, свинцовой от силы,
Вырвал с корнем клубящийся луч.
И заплёл его в имя – Россия,
Словно в конскую гриву... И с круч

Прокатилась имперская тройка,
Расплескав океаны-моря.
Как на свадьбе я выкрикнул: «Горько!»
Горько, горько, Отчизна моя.

Мы на свадебке ноги допляшем,
Подерёмся за первым углом...
Ты, Россия, ведь матушка наша!
Не пои нас кровавым вином.

Школьное фото

На школьном фото на крыльце тесовом
Спрессовано десятка три судеб.
В сапожках из кирзы, в мундире новом,
Я впереди, как на подносе хлеб.

Тогда любой денёк был ярче вспышки,
Которой нас фотограф ослепил.
И сопоставить смотровую вышку
С Олимпом – не хватало детских сил.

Иначе б знали – кто в бою погибнет,
Кто, как Чапай, до нас не доплывёт,
А кто при жизни, словно лист, поникнет
И в никуда однажды забредёт...

Я вырву белый клочок из бороды,
Как омертвелый куст на склонах дальних.
Я до сих пор на фото впереди,
Всё тот же школьник слов первоначальных.

Зрелость

В поэзии я был солдатом,
Как в армии был рядовым.
Бил в морду и ругался матом,
И думал, что на том стоим.

Но мир стоял на русской Вере,
Что наполняет небом грудь.
Я в троицу другую верил —
Авось, Небось да Как-нибудь.

Но молодость, как всё, – проходит,
И зрелость ей вздыхает вслед...
Но всех красавиц и уродин —
Дороже сердцу Белый Свет.

Но всех сокровищниц и кладов
Дороже Родина и Честь!
Ну что ж ты, милая, не рада?
И ты мне дорога, что есть.

Всё дорого и всё любимо:
И слякоть в небесах равнин,
И слёзы, что текут от дыма,
Смывая журавлиный клин.

«В пустом лесу трезвонят коростели...»

В пустом лесу трезвонят коростели,
Медведь берлогу ищет потеплей.
Лосиный след, как дырочки свирели,
На узенькой тропинке между пней.

Душа полна восторга и любви,
А сердце одинокое – печали.
Не пойте длинных песен, журавли,
И не звените райскими ключами.

На дно берлоги падает медведь,
Как в омут со скалы замшелой камень.
Листва темнеет, как от солнца медь,
И гаснет по лесам и рощам пламень.

«Жизнь покачнулась на весах...»

Жизнь покачнулась на весах,
Но удержалась.
В небесах
И на земле вражда бушует,
И гаснут звёзды там и тут,
Дороги в никуда ведут
И речка образ твой ворует...
Словно следы от стоп Христа,
На глади
Контурсы лица
Вниз по течению мерцают.
Звезда, попавшая в глаза,
До смерти не прожгла тебя,
Лучи глагол твой залатают,
Он станет чистым, как роса,
Звенящ, как неба полоса.
К Отчизне простирая руки,
Услышишь звон колоколов,
Ужель и он устал от слов —
Тот,
Кто за Слово принял муки?
Сместилась линия весов,
Отпали стрелки от часов —
Секундная и часовая...
Одна минута до утра,
А дальше зеркала у рта
Вздохнёт,
Как бездна мировая.

Крушение

Дрожь по составу пробежала,
Как бы по коже бегуна,
И, оттолкнувшись от вокзала,
Гонимый силой колеса,

Помчался, набирая скорость,
Набитый русскими людьми.
А я торчал в окне по пояс,
Кричал: «Красиво, чёрт возьми!»

И взял уродец преисподней,
Нарушил ход людских судеб.
Откос! Удар! Погибли сотни
Беспечно, как Борис и Глеб.

Как нитку разорвало рельсу
На повороте бытия...
Ногтями вырежу я дверцу:
– Ну здравствуй, Родина моя!

Деревня

Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.
Замутились нечистой силой
Озерки, где таскал пескарей.

То, что брошено – не безобразно.
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
За свечой догорает свеча...
Лишь поэзия – стерва сердечная,
Из-за левого смотрит плеча.

Фотография

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём —
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько ни пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

«В этой деревне уныло...»

В этой деревне уныло,
Словно никто не живёт.
Кто-то тоскует постыло,
Кто-то без удержу пьёт.

Мучают дети собаку,
Землю швыряют в трубу.
Баба стирает рубаху,
Но неизвестно кому.

Редко земель этих житель
В тусклом окошке мелькнёт,
Тонет у школы учитель,
В луже летит самолёт.

Что мне заморские страны,
Пальмы и жёлтый песок...
Тонет учитель. И странно,
Что розовеет восток!

«Уткнётся лошадь...»

Уткнётся лошадь
Тёплыми губами
В моё плечо,
Огромный глаз
Заполнен облаками,
Рекой ещё,
Отцовским домом,
Лесом, ветром, ранью,
Десятком дач,
Моим лицом, слезами,
Русской далью,
Летящей вскачь.

«Говори со мной попроще...»

Говори со мной попроще,
По-простому говори,
Словно птицы в дальней роще,
Задыхаясь от любви.

Словно матушка с младенцем,
Медсестра со стариком.
Говори, как если б с сердцем
Говорила ты тайком.

Мне ведь лишнего не надо,
Пусть по-русски льётся речь,
Словно ручеёк вдоль сада,
Сада райского сиречь.

Крымская татарка

Вагон не шатко и не валко
Вокзал оставил за спиной.
По насыпи бежит татарка,
Татарка крымская за мной.

Куда несёшься, дева юга,
С фигурой колкой, как джейран.
Да, ты была моей подругой,
А другом был моим стакан.

Мешал я водку с коньяками,
Первач и лёгкое вино.
И спорил с тюркскими богами,
Когда в стакане видел дно.

Не так, как Жилин и Костылин,
Тебя от скуки привечал.
Я был влюблён в тебя, настырен,
Я на руках тебя качал.

Ты мне, конечно, не сестрёнка
И не законная жена.
«Я жду!» – вслед прокричала тонко.
Я знаю, что ты ждать должна.

В Россию катятся составы,
Как слёзы из собачьих глаз.
Прощайте, южные забавы
И девы, любящие нас.

В гостях у Расула Гамзатова

Спустились русскою ватагой,
Гуниб оставив за спиной...
Нас три часа ждал сам Гамзатов,
Орёл с седою головой.

Сев во главе стола, как Будда,
Он очертил незримый круг.
И речь повёл легко и мудро,
Как старый и надёжный друг.

Наполненной коньячной рюмкой
Он нас из круга вызывал.
И я напористо и гулко
Ему свои стихи читал.

Кто б что ни говорил – легенда!
Российского Олимпа бог!
Я так сказал, и это верно,
Как то, что много выпить мог.

За дружбу, за Кавказ, за славу
России, и за тех, кто смел.
И за поэта, что по праву
Здесь во главе стола сидел.

Предгрозовые ласточки

Не чувствую себя отцом семейства,
Мальчишество торчит, как стержень в форме.
Писать и пить – вот русское блаженство,
Чем рассуждать с трибуны о реформе.

Объятыя перезрелой истерички
Не вызывают бури, а напротив...
Нас любят юные, я помню их косички...
Помилуй Бог, при чём же здесь Набоков?

Кому они достанутся такие,
Я изваял их в солнечном тумане.
Как ласточки предгрозовой России,
Они щебечут мокрыми губами.

А впрочем, говорю любой: «Свободна!
Лети, покуда слабых крыльев хватит».
Я поддержу дыханьем осторожно
Ту, за которую судьбой другой заплатит.

Одиночество

Последние сожгу дрова
И чайник вскипячу.
Последние скажу слова
И потушу свечу.

Я должен быть один как перст,
Чтоб слышать Божий Глас!
Когда горит огонь сердец —
Не отвлекайте нас.

Последние сожгу дрова,
Дверь за собой запру.
Мы ночью постучались в рай
И разошлись... к утру.

«Задела, как бы невзначай...»

Задела, как бы невзначай,
В потоке мутного вокзала,
Сказала: «Здравствуй и прощай!»
И в междометиях пропала.

Я сразу тот узнал вокзал,
Как пульс на собственном запястье,
И посреди вокзала встал,
Как вкопанный по уши в счастье.

В душе виденье пронеслось:
Сквозь жар и запах сеновала
Сердца захлёбывались врозь,
Луна лучами трепыхала.

Я ничего не говорил,
Ты ничего не говорила,
Я никого не разлюбил,
Ты никого не разлюбила.

Дочке

Мне стыдно и тяжко;
Как туча я чёрен и страшен,
А ты как ромашка,
И взгляд мой тебе ещё важен.
Взираешь на мир
Из-под крыльев отцовских, широких.
Ещё я не Лир,
Но я знаю отцов одиноких...
Смогу ль защитить тебя,
Девочка, в мире продажном?
Где натиск и шторм,
А у нас лишь кораблик бумажный,
На коем словесности русской
Скупые глаголы,
Где греки сменили варягов,
А греков – монголы.
А взглянешь на Родину –
Грязи и крови по горло,
Сажусь на обочину...
Слякотно, сыро и голо...
Ступай же, лети!
Не озябни под северным ветром.
Я встал из земли,
И я лягу в следы твои – пеплом.

Драматургия

Драматургия

Российский
КОЛОКОЛ

Евгений Чебалин

Академик, действительный член Петровской академии наук и искусств, член Международного сообщества писателей, Союза писателей России. Закончил Грозненский педагогический институт, затем аспирантуру (Высшие театральные курсы) ГИТИСа, отделение драматургии. Более 30 лет работал в федеральных СМИ: собкор радио и телевидения по Заполярью Якутии, спецкор «Огонька», собкор «Правды» по Северному Кавказу, собкор «Советской России» на Среднем Поволжье. Написал 12 пьес, поставленных в 64 театрах страны и дальнего зарубежья, в том числе в театре сатиры («Многоуважаемый шкаф»), театре Вахтангова («Добежать, отдышаться»). В московских издательствах вышли в свет пять романов: «Час Двухликого», «Гарем Ефрейтора», «Безымянный Зверь», «СТАТУС-КВО-та», «НАНО-SAPIENS». По трём последним защищались диссертации в Сорбонне, Грозненском университете и Университете им. Гёте в Германии. Лауреат медали Георгия Жукова; первая премия международных конкурсов «Золотое перо Руси» и «Русский Гофман». Победитель литературного конкурса генералиссимуса Суворова (2018 г.).

Бедная, бедная РУССА (трагифарс с элементами хулиганства)

Действующие лица:

Прохоров – директор ООО «Светлый путь», впоследствии АО «Рассвет».

Лида – его жена, а-ля Дездемона.

Русса – Роботизированный Универсальный Самопро-граммируемый Секретарь-Автомат, жутко разносторонняя особа.

Розанов – замначальника департамента, теоретический самец.

Килькадзе – председатель научно-технического совета департамента. Он же Троянский, сексуально озабоченный конь.

Гваздун – начальник районного агроуправления, гений му-тантизма.

Коновалова – селекционер, коня на скаку завалит.

Ракуша – член правления ООО «Рассвет», контуженый кирзовый Ахиллес.

Фельзер – хирург-ветеринар с ехидной памятью. Баран-Производитель – муляж с гипер-функцией размножения.

Курт Вассерман – председатель совета директоров концерна «Дойчэлектрик», пожизненный военнопленный. Аня-микро – Русланова.

Ольга-Вера – два родственных Духа в едином теле. Офицер ГИБДД – господин и холуй в едином лице. Водитель такси – гибрид шмаровоза и экзекутора.

Русский Бзик – существо из русского Пространства.

АКТ 1

Большой двухкомнатный номер московской гостиницы. В номере сидят за столом и ждут звонка Прохоров и его жена Лидия. Звонит мобильник. Прохоров берёт его.

ПРОХОРОВ. Слушаю.

ФЕЛЬЗЕР. Вася?! Ты где?!

ПРОХОРОВ. Голос из родимого Задрьпинска. Был в Германии, сейчас в Москве.

ФЕЛЬЗЕР. Наконец приехал!

ПРОХОРОВ. Заслуженному ветерану моё почтение. Здравия желаю, Яков Борисыч.

ФЕЛЬЗЕР. И вы после Германии желаете, шоб мы тут имели здравие? А не хотите белую горячку?! Садись, пока стоишь. ПРОХОРОВ. Что случилось?

ФЕЛЬЗЕР. Я приехал из города от дочери и увидел дикий кошмар. Полдеревни в зюю, в стельку, вдрабадан. Отдыхают по лужам и почти совсем не дышат. Работы моему ветеринарному здравпункту на неделю.

ПРОХОРОВ. С какой радости пир?

ФЕЛЬЗЕР. До нас добрались на «Мерседесе» четыре мордворота и стали скупать земельные пай. За пай и подпись на договоре – ящик пошла!

ПРОХОРОВ. И наши недоумки купились?

ФЕЛЬЗЕР. Почти что поголовно. На этот кошмар Ракуша зарядил дробовик картечью и прострелил мордозадым колесо на джипе.

ПРОХОРОВ. Озверели?! Ну и что дальше?

ФЕЛЬЗЕР. От них жутко запахло, и мы таки дали этим пахучим уехать. Может, зря?!..

ПРОХОРОВ. Яков Борисыч, держите оборону до моего приезда... я скоро! (*Телефонный звонок.*) Алло... алло...

ГОЛОС (*из трубки, с грузинским акцентом*). Василий Никитович Прохоров?

ПРОХОРОВ. Он самый.

ГОЛОС. Ты ещё не выбрал себе место на кладбище? ПРОХОРОВ. А ты? Кстати... у тебя какой рост?

ГОЛОС. Зачем, несчастный, тебе мой рост?

ПРОХОРОВ. Я ж для двоих копать буду. Рядышком полежим, костями побрякаем.

ГОЛОС. Хулиган ты, изобретатель. В гости в Москву явился и хамишь.

ПРОХОРОВ. Что-то с памятью твоей стало. Вы там у себя всё обгадили и перегрызлись. После чего ты ко мне в Москву прибыл, обнаглел и расплодился. Назвался бы для приличия. Кто такой?

Молчание. Прохоров бросает трубку.

ЛИДА. Опять тот самый?

ПРОХОРОВ. Ну.

Телефонный звонок. Прохоров срывает трубку.

ПРОХОРОВ. Слышь, мудрак говённый! Пошёл бы ты... РОЗАНОВ. Так сразу? И куда?

ПРОХОРОВ. Чёрт... извините.

РОЗАНОВ. С каких это пор замначальника департамента Розанов стал... говённым мудра-ком... прелесть какой перл!

ПРОХОРОВ. Здравствуйте, Михаил Степанович. Я здесь уже неделю после германской стажировки и не могу пробиться ни к начальнику департамента, ни к Килькадзе. РОЗАНОВ. Это интересно, но меня больше интересует, что вам обещали в Германии.

ПРОХОРОВ. Где?

РОЗАНОВ. Откуда вы вернулись. Что вам пообещал председатель совета директоров «Дойчэлектрик» Курт Вассерман?

ПРОХОРОВ. Нас, стажёров, дальше приёмной цехового инженера не пускали, какой президент?

РОЗАНОВ. Странно... очень странно. Неделю назад они оповестили, что вам диппочтой отправлена посылка именно от президента. Сегодня она пришла. Нечто вроде гроба времён Четвёртого Рейха... Что в нём?

ПРОХОРОВ. Понятия не имею. Вскройте и узнаете. РОЗАНОВ. Увы, условие концерна: их посылку вскрыете лично вы.

ПРОХОРОВ. Куда прийти для вскрытия?

РОЗАНОВ. Естественно, во двор департамента, где нет посторонних. Венков и носовых платков пока не надо. Внутренний двор департамента. Асфальт, фонарный столб. Рядом ящик в виде саркофага. На крышке ломик. Поодаль два чиновных мужа. Входят Прохоров с Лидией. РОЗАНОВ. А вот любимчик «Дойчэлектрик».

ПРОХОРОВ. Моя супруга Лидия Алексеевна. РОЗАНОВ. Весьма приятно. А это председатель научно-технического совета департамента Георгий Килькадзе. Килькадзе, не лапайте глазами чужую даму.

ЛИДА. Ничего-ничего, грузинский лапёж не самая плохая процедура. Тем более если лапёжник ничем другим не занят. РОЗАНОВ. Килькадзе, вас показательно макнули. Василий Никитович, вон ломик. Не разучились орудовать?

Прохоров поддевает ломиком крышку ящика. В нём лежит нечто, заваленное стружкой. На стружке письмо. Прохоров разворачивает лист. Читает:

«Уважаемый господин Прохоров! Мы просим вас делать платную услугу по итогам впечатления, которое вы произвели на стажировке. Примите наше изделие – последнюю разработку концерна. Её стоимость пять миллионов евро».

РОЗАНОВ. Всего-навсего?!

ПРОХОРОВ (*продолжает*). «Мы не меценаты, за этим изделием есть наш технологический интерес. В посылке разумный биоробот. Это РУССА – Роботизированный Универсальный Самопрограммируемый Секретарь-Автомат. Она имеет много функций. Посылка Руссы вам в Россию на один год есть итоговый акт её испытания в экстремальных условиях агрохозяинства «Светлый путь». Концерн будет благодарен вам за оценку качества изделия. Оплата вашей услуги и расходов – сто тысяч евро. Ваш куратор – департамент Розанова. Приставьте Руссе голову, потом управляйте пультом. Председатель совета директоров концерна «Дойчэлектрик» Курт Вассерман».

РОЗАНОВ. В их предварительном факсе то же самое. Ай да гансы! Надеюсь, этот свёрток – голова. Разверните.

Прохоров достаёт шар в упаковочной бумаге, разворачивает его. На свет является классическая голова арийской фрау с закрытыми глазами. Розанов приподнимает веко глаза:

Голубоглазка. У-тю-тю-тю, кисуля. Прохоров, не тяните кота за хвост. Приставьте это к её шее.

Прохоров приставляет голову к шее, торчащей из стружек. Щелчок.

ПРОХОРОВ. Готово.

РОЗАНОВ. Ау-у, фрау Дойчланд! Почему она вся в стружке? Где её тело?

КИЛЬКАДЗЕ. Я нэ могу быть в стороне, когда дэло касается тэла!

РОЗАНОВ. Первый доступ к нему – ваш, Килькадзе.

Килькадзе вынимает из ящичка ворох стружек. Все замирают. Общій стон.

ЛИДА. Ой-ёй, коты мартовские! Бабу, что ли, не видели в натуральном виде? Ну-ка отвернитесь!

КИЛЬКАДЗЕ. Мама, зачём ты меня родила на такие испытания?!

ЛИДА. Где тут одежонка... халатик и бикини... все-го-то-навсего? (*Достаёт бикини-купальник. Надевает его на Руссу.*)

А это что такое? (Поддаёт мужу пульт управления. Розанов перехватывает его.)

РОЗАНОВ. Пульт управления. Та-ак. Разберёмся досконально. «Бытовые функции» – угу, понятно... «Чай, кофе для гостей» – недурственно. «Деловая переписка», «Силовая защита» – всё весьма полезно. «Культурная программа: песни, танцы на корпоративах» – отлично. О-о-о, какая шикарная кнопочка! Что бы это значило?

Нажимает кнопку. Русса садится в ящичке.

ЛИДА. Ай!

КИЛЬКАДЗЕ. Держите меня!..

РУССА (*Розанову*). Шеф, я готова.

РОЗАНОВ. Прелестно, дитя моё. А к чему ты готова? РУССА. Вы распорядились. Иду, милый, я твоя.

Выпрыгивает из ящичка, походкой матёрой манекенищицы идёт к Розанову. Присасывается к нему жгучим поцелуем.

РОЗАНОВ. Что за... м-м-м... уй-ди-и-и-и!

РУССА. Что вас смущает, шеф?

РОЗАНОВ. Ты что творишь, негодница... не здесь же! РУССА (*растёгивает ему рубаху, брюки, теснит к ящичку*).

Но почему-у-у-у не здесь?! Ты очаровашка. Я обожаю застенчивых.

РОЗАНОВ. Уберите эту секс-бомбу! Прохоров, немедленно!

РУССА. Не ломайся, пупсик. Ты же любишь свою крошку!

Валит Розанова в ящик на стружку.

РОЗАНОВ. Пошла вон, бандитка... по... помогите! ПРОХОРОВ. Какую вы нажали кнопку?

РОЗАНОВ. Синюю! Там написано... ай-яй... брысь... кыш! Прекрати щекотку... хи-хи-хи... там написано «Секс-обслуживание»! Скорей! (*Бросает Прохорову пульт.*) КИЛЬКАДЗЕ. У-у, какая женщина! БТР-самоходка! Но кому досталась?!

РУССА. Милый, зачем на тебе столько тряпок? Не вертись! (*Раздевает Розанова.*)

РОЗАНОВ. У-у-уй-ди! Насилуют!

Лидия пытается оттащить Руссу.

ЛИДА. Имей совесть, отстань от начальника!

РУССА. Он не начальник! Он мой Herr! Мой цыплёнок, почему твой механизм размножения такой вялый? Его надо поднимать массажем! (*Делает массаж.*)

РОЗАНОВ. Т-ты что вытворяя-а-аешь?! Василий Никитыч, скорей! Переключите её! На помощь!

ПРОХОРОВ. В этих кнопках сам чёрт ногу сломит... (*Нажимает кнопку.*)

РУССА. Кья-а-а!

Вымётывается из ящика с трусами Розанова. Демонстрирует несколько приёмов из каратэ. Срубив ногой фонарный столб, надвигается на мужчин.

ПРОХОРОВ. Полегче, мегера... мы тут при чём?! (*Нажимает ещё одну кнопку.*)

РУССА. Ка-алинка, калинка, малинка моя-а-а-а... (*Помахивая трусами, плывёт в танце.*)

КИЛЬКАДЗЕ (*подключается*). Ас-с-с-са-а-а-а!

Розанов выбирается из ящика со стружками на ушах, без брюк, в одной рубахе.

РОЗАНОВ. Тотальный кретинизм!

ЛИДА. О господи, Михаил Степанович, что она с вами сотворила?!

РОЗАНОВ. То, что видите! Да остановите эту идиотку! (*Выхватывает у Прохорова пульт, нажимает кнопку «Стоп». Русса застывает на месте.*)

КИЛЬКАДЗЕ. Какой танец испортил...

РОЗАНОВ (*прыгая на одной ноге, надевает штаны*). Килькадзе, вы не хотите заткнуться?!

КИЛЬКАДЗЕ. Прошу прощения, Михаил Степанович.

РОЗАНОВ. Ну и что мне прикажете делать?! Эта... тварь выдрала все крючки и пуговицы! С мясом! Замначальника департамента шкандыляет к себе со спущенными штанами и расхлебаченной мотнёй и измятым механизмом размножения! Я вас спрашиваю, Прохоров, что теперь делать?

ЛИДА. А вы шнурочком завяжите вместо пояса.

РОЗАНОВ. Каким, к чёртовой бабушке, шнурочком?!

ЛИДА. Вот этим... от моего платья... Ой мамочки, не могу... сил моих нет! (*Хочет. К ней присоединяется Прохоров, затем Килькадзе.*)

РУССА. Хе. Хе. Хе. Ха. Ха. Ха.

РОЗАНОВ. А ты, кукла, чего зубы скалишь?

РУССА. За компанию и жид удавился. Русский пословица.

ПРОХОРОВ. Не жми... кнопки... не изучив технику... безопасности...

РОЗАНОВ. Идиоты! Дурдо-о-ом... пошли вы все к чёрту! (*Придерживая штаны, ковыляет ко входу в департамент.*)

ПРОХОРОВ. Михаил Степанович, к научно-техническому совету мне теперь не пробиться ещё год?

РОЗАНОВ. Насчёт вашего агрегата и технологии вам всё объяснит танцор Килькадзе. Ему уже не мешают яйца. У него а-а-атличное настроение. Килькадзе, задайте германскому стажёру нужные вопросы. И на всё получите ответы. (*Уходит.*)

ПРОХОРОВ. Ну, что с тобой делать, хулиганка заморская? (*Нажимает на пульте кнопку. Русса подходит к нему.*)

РУССА. Жду заданий, шеф. Моя программа говорит: у шефа короткий волос, баритональный голос и механизм размножения вот здесь... (*Тянется к «механизму размножения».*)

ПРОХОРОВ. Отставить с механизмом!

КИЛЬКАДЗЕ. Мамой клянусь, как мимолётное виденье ты явилась, как гений чистой красоты!

РУССА. Это ваш босс, шеф? Интересный экземпляр: у него давно стоячий механизм. Почему?

ПРОХОРОВ. Его таким мама родила. Не отвлекайся. РУССА (*Килькадзе*). Тогда я тебя в упор не вижу, мамин шиб-з-дик. Катись колбаской по улице Спасской. Русский посыл. Хе-хе.

КИЛЬКАДЗЕ. Ты меня убиваешь, шени чериме! ПРОХОРОВ. Ты бы накинула на себя что-нибудь.

РУССА. Нет проблем, шеф. (*Идёт к ящику, надевает халат.*)

ПРОХОРОВ. Отвыкай для начала от «шефа». Зови меня просто Вася. Можно Василёк, Васюнчик.

РУССА. Зер гут. Я к вашим услугам, Васю-у-у-унчик! ПРОХОРОВ (*жене*). Учись, пока не поздно.

ЛИДА. Ну-к, секс-бомба, где тебя выключают? (*Тянется к пульту.*)

ПРОХОРОВ. Отставить! Шеф я или не шеф? Начнём с малого. Вот что, дорогуша, нам бы с господином Килькадзе кофейку. Пока мы тут с ним беседуем, постарайся раздобыть хороший кофе.

РУССА. Нет проблем, Васю-у-у-унчик, нажми там красную кнопку.

ПРОХОРОВ. А без кнопочек нельзя, нормально, по-человечески?

РУССА. Конечно можно, Василёк. Но я не смогу работать в экстремальных ситуациях.

ПРОХОРОВ. Будь по-твоему. Работай в экстремальных. (*Нажимает красную кнопку на пульте.*) Лидок, проводи её в город, всё ж иностранка.

ЛИДА. Вась, где мы найдём нормального кофе? Всё завалено суррогатной дрянью.

РУССА. Василёк, эта женщина не знает своего места и моих возможностей.

ЛИДА. Нет, вы посмотрите на неё! Кукла, а туда же, с гонором!

РУССА. Не кукла – секретарь для босса Васюнчика. А кто вы?

ПРОХОРОВ. Она тоже босс в некотором роде.

РУССА. Почему? Моя программа учит: босс – один мужчина, низкий голос, короткий волос и яичный механизм вот здесь... (*Тянется к механизму.*)

ПРОХОРОВ. Да что ж ты на механизме зациклилась! В общем так: я твой главный босс, а она помельче.

РУССА. Киндер-босс без механизма!

ПРОХОРОВ. Дамы, вперёд, за кофе.

РУССА. Зер гут, Васю-у-у-унчик! Киндер-босс, за мной! Форветс! Шнель шпацирен! Ха. Ха.

ЛИДА. Во запиндя-а-а... Вась, я её боюсь.

РУССА. Василё-о-о-ок, всё будет тип-топ. Хе. Хе.

Уходят.

ПРОХОРОВ. Господин Килькадзе, у меня накопилась масса вопросов.

КИЛЬКАДЗЕ. Здесь вопросы задаю я.

ПРОХОРОВ. Тогда ауфидерзейн. Я оповещаю «Дойчэлек-трик»: департамент в лице Килькадзе саботирует испытание Руссы. Снимайте штаны для клизмы с иголками. А Русса при этой процедуре скажет своё неповторимое «хе-хе».

КИЛЬКАДЗЕ. Мы пойдём другим путём. Многоуважаемый батано Василий Никитович! Позвольте мне первому задать вам несколько неотложных вопросов. На них ждут ответа начальник департамента и сам министр. Если я не получу ответов, с меня снимут голову.

ПРОХОРОВ. Даже министр. Ну-ну.

КИЛЬКАДЗЕ. Какое отношение вы имеете к бывшему колхозу и нынешнему ООО «Светлый путь»?

ПРОХОРОВ. Я там родился.

КИЛЬКАДЗЕ. В каком состоянии хозяйство?

ПРОХОРОВ. Вместо «Светлого пути» ныне чёрные хляби: раздолбанные, непролазные дороги, сгнившие мосты. Туда можно добраться лишь пять месяцев в году. От былой роскоши колхоза-миллионера осталось полторы сотни стариков, старух и спившихся механизаторов. В придачу к ним сотня полудохлых бурёнок и коз.

КИЛЬКАДЗЕ. У вас там земельный пай?

ПРОХОРОВ. Как у всех: пять гектаров, поросших чертополохом. Это мёртвый капитал без дорог, техники, субсидий.

КИЛЬКАДЗЕ. «Дойчэлектрик» запросила данные на двенадцать наших агроспецов. Мы отослали их электрон-кой... Но фирма вызвала на стажировку именно вас. И именно вам при-слала биоробота с условием испытания его в «Светлом пути». Почему?

ПРОХОРОВ. Понятия не имею.

КИЛЬКАДЗЕ. Может, вы лично знаете председателя совета директоров Курта Вассермана?

ПРОХОРОВ. Кто в Европе не знает владельца «Дойчэлек-трик».

КИЛЬКАДЗЕ (*сорвался, примитивно остервенел*). Так не бывает! Германский концерн с годовым оборотом в двадцать миллиардов евро тычет пальцем в какого-то МНС Прохорова из какого-то занюханного НИИ и говорит ему: «Дорогой Вася! Получи куклу в пять миллионов евро, испытай её и заработай на этом ещё сто тысяч евро!» Ты кто такой, Васю-у-унчик?! За тобой нет ни одного силовика, ни Кремль, ни Белый дом не доверяли тебе даже чистку своих сортиров – мы проверили! Тебя, что ли, мёдом намазали?! ПРОХОРОВ. Это ты звонил мне в гостиницу насчёт места на кладбище?

КИЛЬКАДЗЕ (*виртуозно трансформируется в чиновного солидника*). Узнал, да? Тебе звонил Гоша Килька. Сейчас с вами разговаривает Георгий Лаврентьевич Килькадзе.

ПРОХОРОВ. Случайно не потомок того самого Лаврентия?

КИЛЬКАДЗЕ. Потомок-потомок.

ПРОХОРОВ. Это вы с Розановым узнали про посылку Руссы в «Светлый путь» и стали срочно скупать там земельные паи? Но вас остановили Фельзер с Ракушей и дробовиком. Это были вы?

КИЛЬКАДЗЕ. Ку-ку. Может, мы, а может, нет.

ПРОХОРОВ. Значит, вы. Ящик водки за пять гектаров чернозёма.

КИЛЬКАДЗЕ. Ку-ку! Хорошая цена.

ПРОХОРОВ. Вы неделю держали меня на привязи, чтобы скупить паи и подгрести под себя хозяйство.

КИЛЬКАДЗЕ. Ку-ку. Се ля ви.

ПРОХОРОВ. Ты работаешь кукушкой при Розанове?

КИЛЬКАДЗЕ. Розанов часовой механизм, из которого я временно выскакиваю. А механизм заводят наши люди.

ПРОХОРОВ. Министр?

КИЛЬКАДЗЕ. Министра давно заводят тоже наши люди.

ПРОХОРОВ. Зачем Грузии засылать в Россию своих кукушек?

КИЛЬКАДЗЕ. Зачем это делают Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Армения, Чечня, Азербайджан? У них не хватает мозгов. А здесь их слишком много. Делиться надо, Вася! ПРОХОРОВ. Вот оно что.

КИЛЬКАДЗЕ. Розанов передал мне чертежи вашей сеялки и новую технологию зерноводства с рентабельностью в двести процентов. Такой нет в мире. Вы абсолютно уверены в цифре двести?

ПРОХОРОВ. Это минимальная рентабельность. И она обкатана на полях нашего НИИ.

Килькадзе ошарашен и ликует.

Но вы ведёте себя как цепные кобели на сене: и сам не гам и другим не дам!

КИЛЬКАДЗЕ. Изобретение надо пробива-а-ать, Василь Никитович. Вы должны получить патент и оформить авторство. Найти зарубежные аналоги, сравнить их и выдержать конкурс. Мы будем гонять вас по этому кругу, как ишака с морковкой перед мордой, пока из авторского списка не исчезнет ваша фамилия. Потом вы откинете свои технологические копыта и из вас испарится эта российская блажь: и-зо-бре-та-а-ать на благо России! Вам всё понятно? ПРОХОРОВ. Почти.

КИЛЬКАДЗЕ. Тогда наш главный стратегический вопрос: где вы хотите жить? В Тбилиси? В Аризоне? Лос-Анжелесе? Майами?

ПРОХОРОВ. Кукушка задаёт вопрос от имени главы Тбилиси?

КИЛЬКАДЗЕ. Вы умный человек, батано Вася, и должны понимать, что в Тбилиси теперь всего-навсего американская кукушка. Ну, где вы хотите жить?

ПРОХОРОВ. Там, где родился.

КИЛЬКАДЗЕ. Среди скелетных коров, грязи, вони, пьяных дебилов и куч дерьма на улицах. Потому что никто не хочет чистить полные сортиры! Все знают, что сельская Россия теперь свалка людского хлама и гнилых избушек вокруг новорусских коттеджей. Лучшие вымерли или уехали. А ваши русские города – это скопище кавказоидов и груды ржавых коммуникаций. Их скоро накроет тьма, холод и зловоние. Я последний раз спрашиваю: где вы хотите жить и во сколько оцениваете свои мозги?

ПРОХОРОВ. Ах Гоша, Гоша. Ты, стрекозёл, вспорхнул и улетел в любой момент. А мы болотные квакши. И нам без нашего болота никуда. Но когда нам станет нечего жрать, у нас вырастут зубы и мы будем ловить таких жирных стрекозлов, как ты. Не прозевай момента, когда надо будет смыться.

Вбегают Лидия, за ней идут таксист и Русса с кофейником и чашками в руках.

ЛИДА. Вася, выключи её, скорее выключи!

РУССА. Васюнчик, киндер-босс немножко психует. Она мешала работать, путалась под ногами.

ПРОХОРОВ. Можно подробности узнать?

РУССА. Я выполняла ваше распоряжение, шеф, искала бразильский, настоящий кофе. Была слегка экстремальная ситуация.

ЛИДА. Она квартиру ограбила! Её кобель полицию облил! ПРОХОРОВ. Какой кобель?! Какую полицию?!

ЛИДА. А очень просто. Она приказала, кобель запрыгнул на капот полицейской машины и описал стекло.

Вбегает лейтенант автоинспекции. Сунув в рот свисток, набирает в грудь воздуха. Русса щёлкает пальцами. Свисток вырывается у гаишника изо рта, пляшет над ним. Исчезает.

РУССА. Свист без причины – признак дурачины. Русский юморной поговорка. Ха. Ха.

ЛЕЙТЕНАНТ. Это тоже зафиксируем. Мы, гражданка, после ограбления всё конкретно фиксируем.

ПРОХОРОВ. Лейтенант, я всё объясню.

ЛЕЙТЕНАНТ. Объясните, когда спросим.

ПРОХОРОВ. Лейтенант, тут есть международные обстоятельства.

ЛЕЙТЕНАНТ. Разберёмся!

ПРОХОРОВ. Да послушайте...

ЛЕЙТЕНАНТ. Сидеть! (*Водителю.*) Ваше водительское удостоверение. Та-ак. Сердюк Антон Иванович. Пройдёте вместе с гражданкой.

ВОДИТЕЛЬ. За что?!

ЛЕЙТЕНАНТ. За превышение скорости, неподчинение приказу остановиться, за участие в ограблении!

РУССА. Молодая полиция горячо психует. На горячих воду возят. Русская ехидная поговорка.

ВОДИТЕЛЬ. Да не мог я остановиться! Она гнала машину как бешеная!

ЛЕЙТЕНАНТ. Та-ак. Вы передали ей управление? Гражданка, ваши права.

ВОДИТЕЛЬ. Ничего я не передавал. Она сидела, а машина сама... ну она... машину толкала.

ЛЕЙТЕНАНТ. Ага, сидела сзади и толкала. Где к вам сели эти две гражданки?

ВОДИТЕЛЬ. У супермаркета. Блондинка тут же начала с матюка: хер, говорит, вези, где есть купить настоящий кофе. Я ей культурно объясняю: мадам, у нас с хорошим кофе хреново, везде химия забугорная. После чего берусь за ключ, чтоб завести. А он как шарахнет током! И машина поехала.

ЛЕЙТЕНАНТ. Что значит поехала?

ВОДИТЕЛЬ. Завелась сама и поехала! И гудком сама рявкнула!

ЛЕЙТЕНАНТ. За дурака меня держите? Это я вам дополнительно припомню.

ВОДИТЕЛЬ. Чтоб я сдох, лейтенант, сама поехала! А эта фрау воздух нюхать начала. Ноздрями его вроде пылесоса засасывает, сквозняк жуткий, у меня аж волос дыбом. Гляжу в зеркало, а у неё нос вверх растёт!

ЛЕЙТЕНАНТ. Что-о? Куда растёт?!

ВОДИТЕЛЬ. Да её носяра! Вроде антенны промеж глаз выползает! Я глаза со страху закрыл, потом слышу: хр-р-р-рясь! И палёным шибануло! Я обернулся и совсем офонарел! Она... она... это... носом крышу прожгла! Мама родная... век не забуду!

РУССА. Василёк, я нюхала воздух, искала настоящий кофе. ЛЕЙТЕНАНТ. Вот что, гражданин Сердюк и вы, гражданка. Всю эту дурь вы следователю СИЗО изложите. А сейчас прошу следовать со мной.

ВОДИТЕЛЬ. Дыра в крыше осталась! Иди посмотри! И вторая гражданка подтвердит, дурь я несу или нет!

ЛЕЙТЕНАНТ (*Лиде*). Что вы можете сказать по поводу ограбления квартиры по улице Тухачевского, 49?

ЛИДА. Я всё расскажу, лейтенант. Когда эта гражданка проткнула носом крышу и вынюхала кофе...

ЛЕЙТЕНАНТ. Да вас в психушку надо!

ЛИДА. Мне рассказывать дальше или строим в дурдом пойдём?

ЛЕЙТЕНАНТ. Продолжайте.

ЛИДА. После этого мы поехали на запах. Поднялись на лифте на четвёртый этаж. Там фрау Русса ковырнула замок ногтем, открыла дверь и мы вошли в квартиру.

ЛЕЙТЕНАНТ. Что значит ковырнула ногтем?!

ЛИДА. Обыкновенно, своим ноготочком. А что тут такого?

У нас это запросто. На любой замочек свой ноготочек. Мы зашли, взяли кофе и кофейник, налили в него воды. И вышли. РУССА. Киндер-босс, ты забыла: мы оставили там деньги.

ЛИДА. Ну да, оставили деньги. Потом спустились, сели в такси. В полиции сработала сигнализация. Вблизи оказался патруль. Мы поехали, патруль хотел за нами, но Русса приказала бродячему кобелю. Он запрыгнул к ним на капот и стал поливать стекло. Пока они все вопили и гнали кобеля, мы уехали. По пути эта фрау зажала кофейник в ладонях и... это... вскипятила его... Все очень просто, лейтенант, всё элементарно просто, как в психушке.

РУССА (*наливает в чашки кофе, подаёт Прохорову и Лиде*). Васюнчик, киндер-шеф, прошу отведать. Пей-до-дна-пей-до-дна-пей-до-дна! Горько-о-о-о-о, доннерветтер! Теперь по русский обычай надо целоваться!

ЛЕЙТЕНАНТ. Гражданка, из какой вы страны? Прошу предъявить паспорт с визами.

ПРОХОРОВ. У неё нет паспорта, лейтенант.

ЛЕЙТЕНАНТ. Поня-а-а-атно. Всем стоять!

ПРОХОРОВ. Товарищ лейтенант, прошу вас, отойдём в сторону. Здесь чрезвычайные, международные обстоятельства. Вы же не хотите международного скандала? (*Отходят.*) Она не человек, лейтенант. Это биоробот германского производства стоимостью в пять миллионов евро. Она доставлена сюда на испытания и у неё не может быть паспорта.

ЛЕЙТЕНАНТ. Идите на место! (*Достаёт пистолет и включает рацию.*) Товарищ майор, нужна оперативная поддержка. Здесь особо опасная бандитка-иностранка. У неё, кажется, поехала крыша.

ГОЛОС. Короче!

ЛЕЙТЕНАНТ. На её счету ограбление квартиры и взятие в заложники женщины и водителя такси. По предварительным сведениям, бандитка – это биоробот из Германии стоимостью в пять миллионов евро, прислана к нам на испытания. Способна на неадекватные особо опасные действия. Высылайте отряд ОМОНа!

ГОЛОС. Держи всех на мушке!

ЛЕЙТЕНАНТ. Уже держу! Берем её, доставляем в камеру. Выходим напрямую на германскую фирму-производителя и доим за жирное вымя! Они пойдут на всё, чтобы вернуть своё изделие без международного скандала...

ГОЛОС. Если упустишь – погони оторву вместе с головой! Ты где? Адрес?

ЛЕЙТЕНАНТ. Само собой, товарищ майор! Сейчас узнаю. (*Подходит к Руссе, Прохорову и Лиде.*) Не двигаться! При любом движении открываю огонь на поражение!

РУССА. Василёк, этот парень мне надоел (*Покачивает ладонями вправо-влево. Лейтенанта шатает.*) Херр водитель, полицейский пьян. Нарушение закона. Вам надо наводить порядок.

ВОДИТЕЛЬ. Э-э, товарищ лейтенант, так вы того, извиняюсь, подшофе? Права мои изъял, а сам? Это как?

ЛЕЙТЕНАНТ. Виноват, Антон Иванович.

ВОДИТЕЛЬ. Ну-к, права назад! И свои тоже. Дырокольчик одолжи.

Лейтенант возвращает права с дыроколом. Водитель делает лейтенанту просечку. Вжимает голову в плечи от страха.

ЛЕЙТЕНАНТ. Правильно, Антон Иванович. С моей стороны больше не повторится.

ВОДИТЕЛЬ. Это для начала. *(Делает ещё просечку.)* А это за Гришку Мазаева, кореша моего. Утром его подловили ни за что, менты позорные.

ЛЕЙТЕНАНТ. Так точно, ни за что. Мародёров у нас, ментов, как блох у кобеля шелудивого...

ВОДИТЕЛЬ. Правильно всё понимаешь. *(Делает в правах просечку за просечкой.)* А это за Коляна Дубова, за Генку Сизова. Вчера на такого, как ты, напоролись, коз-з-з-зёл!

ЛЕЙТЕНАНТ. Примите наши извинения.

ВОДИТЕЛЬ. Не приму! И вообще, как стоишь, ментяра!

ЛЕЙТЕНАНТ. Виноват. Как последний разгильдяй.

ВОДИТЕЛЬ. Смир-р-рна-а-а! Вольно. Ложись! Встать! А рок-н-ролл танцуешь?

ЛЕЙТЕНАНТ. Если надо...

ВОДИТЕЛЬ. Ещё как надо. Валяй, лейтенант, рок-н-ролл!

ЛЕЙТЕНАНТ. Есть! *(Танцует.)*

ВОДИТЕЛЬ. А чё молчком? Голос подай! Как кричит петух?!

ЛЕЙТЕНАНТ. Ку-ка-ре-ку-у-у-у!

ВОДИТЕЛЬ. Смотри ты, голосистый! А как козёл?! ЛЕЙТЕНАНТ. Ме-ке-ке-ке!

ВОДИТЕЛЬ. Точно, козёл натуральный! Жарь, лейтенант, лаби-таби-тум – балалайка! Я те щас погоняю... Я те щас такое придумаю, за все ваши штрафы и подлянки! Штилеты свои всмятку жрать будешь! Отольются тебе наши слёзы! *(Влепляет лейтенанту затрецину.)*

РУССА. Ха. Ха. Хе. Хе.

ЛИДА. Прекрати! Вася!

ПРОХОРОВ. Русса, останови всех.

РУССА. Шеф, вы недовольны этой русской шуткой? ПРОХОРОВ. Я сказал: стоп!

РУССА. Повинуюсь. Зер гут. *(Останавливает водителя и лейтенанта.)*

ЛЕЙТЕНАНТ *(приходит в себя. Берёт у водителя своё удостоверение, рассматривает дырокольные просечки)*. Это как понимать?!

ВОДИТЕЛЬ. Не знаю, товарищ козёл... тьфу, лейтенант... ЛЕЙТЕНАНТ. Это на меня «тьфу»?!

ВОДИТЕЛЬ. Гад буду, виноват!

ЛЕЙТЕНАНТ. Значит, козлу-лейтенанту оплеуху и пять просечек... Да я тебя, гнида... Руки! *(Надевает наручники.)* Пшёл к машине!

ВОДИТЕЛЬ. Чтоб ты сдохла, чёртова баба... у-уй, хана мне! Влип по самые... товарищ лейтенант, может, договоримся? Всё продам: квартиру, машину, дачу, а?

ЛЕЙТЕНАНТ. Верно понял ситуацию. Но не до конца, Ур-р-род!

РУССА. Лейтенант, ты забыл про меня и ограбление. Этого не было. Выполнять!

ЛЕЙТЕНАНТ. Так точно, ничего не было! Гражданин Сердюк, к машине! *(Уходят.)*

ПРОХОРОВ. Ну и к чему этот цирк?

РУССА. Русса вела эксперимент в области русской психологии. У вас есть... как это будет...

ПРОХОРОВ. Национальный бзик.

РУССА. Я-я. Ваш бзик: генетическая раздвоенность природы. ПРОХОРОВ. И на кого раздваиваемся?

РУССА. На господина и хама. Хам стал господином, но не перестал быть хамом. Эксперимент «лейтенант – водитель» есть прямое доказательство раздвоения.

ПРОХОРОВ. У нас проще выражаются: ты начальник – я дурак. Я начальник – ты дурак.

РУССА. Я-я. Почему здесь везде торчит дурак? Где сидит умный? Как можно жить в стране, где везде дурак?

ПРОХОРОВ. Умные пока в подполье. Им нельзя и носа высунуть: тотчас дурак отрубит. Но ни хрена, прорвёмся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.